

А. Е. Загребин

УРАЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИННО-УГОРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ*

Финно-угорские народы, чей ареал обитания находится на Урале, в Западной Сибири, в Среднем Поволжье, в Прибалтике, на Европейском Севере и в Центральной Европе, являются частью древнего автохтонного населения Евразии.¹

Одним из феноменов идентичности финно-угров является то, что на протяжении длительного времени этносы, разделенные обширными территориями, различающиеся своей хозяйственной деятельностью, образом жизни и религией, осознают себя не только в качестве носителей определенной этничности, но и как представителей более широкой историко-культурной общности.² Думается, что истоки современного финно-угорского мира можно искать как в пределах предметной сферы этнографии, так и в истории науки.

Возникнув как филологическое направление компаративистского характера, финно-угроведение довольно скоро приобрело этнографическую (в широком понимании) сущность. Результаты открытий, отражаясь на страницах научных изданий, учебников и популярной периодики, постепенно формировали чувство финно-угорского родства. Внимание к проблемам традиционной культуры живущих в России родственных финно-угорских народов со стороны финских, венгерских и эстонских этнографов вело к интеграции их научного поиска с исследованиями российских ученых, что создавало дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки.³ Финно-угорская проблематика связала отечественную этнографию с европейским народоведческим процес-

сом, наложив свой отпечаток на ее предметную сферу, полевые практики и **личные истории**.

Одним из ключевых побудительных моментов для пионеров финно-угорских исследований был поиск прародины, свидетельств общей истории и минувшего «золотого века». Не обнаруживая надежных доказательств родства с иудеями, элинами, латинянами, гуннами, жителями Кавказа, Тибета и Гималаев, активно реконструирующие национальную историю финские и венгерские интеллектуалы, начиная с XVIII в., все чаще обращали свой взор на Восток.⁴ Лингвистические материалы, собранные российскими академическими экспедициями, в свою очередь, недвусмысленно указывали направление возможных поисков — на Урал и Сибирь.

1. *Матиас Кастрен и Антал Регули:
«открытие Урала»*

Первым дорожку во внутренние области России проложил молодой финский историк, лингвист и этнограф А. И. Шёгрэн, чья экспедиция 1824–1829 гг. от Санкт-Петербурга до Тюмени была поразительна по качеству и объему собранной информации, но выбор, сделанный им в пользу имперской службы, не позволил ему стать героем нации.⁵ Эта роль выпала М. А. Кастрену (1813–1851), еще при жизни ставшему легендой.

В 1830–1840-е гг. накопленные материалы о жизни экзотических народов были «уравновешены» исследованиями, выполненными в духе патриотического родиноведения, а этнография приобрела политическое измерение. М. А. Кастрен и его коллеги не только способствовали становлению финской нации, но и сформулировали идею финно-угорского (уральского) родства, показав, что текст научного доклада, письма или газетного сообщения может быть порой не менее значимым, чем мифологические представления о едином прошлом.⁶

¹ См.: Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.

² См.: Manninen I. Die finnisch-ugrische Völker. Leipzig, 1932; Vuorela T. The Finno-Ugric Peoples. Bloomington, 1964.

³ См.: Voigt V. Finno-Ugric Folk Tradition Expressing Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2012. Vol. 57, № 2. P. 398–399.

Загребин Алексей Егорович — д.и.н. директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)
E-mail: zagreb72@izh.com

* Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 12-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования»

⁴ См.: Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

⁵ См.: Joh. Andreas Sjögren `s Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. Bd. 1; Branch M. A. J. Sjögren. Studies of the North. Helsinki, 1973.

⁶ М. А. Кастрен писал: «До последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древ-

Ранней весной 1845 г. М. А. Кастрен выехал в свою последнюю экспедицию, продолжительность которой оказалась без малого четыре года. В его сознании общность финских народов Восточной России представлялась в виде этнографической непрерывности (причем уже в Казанской губернии происходит встреча волжских и пермских финнов). Континуум подчеркивался автором специальной оговоркой о том, что вотяки (т. е. удмурты) представляют собой своеобразное связующее звено, перекидывающее этнографический мост от Волги до Камы и далее — в земли коми.⁷ Путевые записки отражают присущую Кастрену способность к сравнительному восприятию происходящего, что хорошо заметно в отрывке, в котором описывается его встреча с Уралом. Сравнение Уральского хребта со сказочным персонажем указывает на его значимость для путешественника, трижды, в разных местах, пересекающего его. Три разных локуса представляют три образа Урала, построенных на внутренних противопоставлениях диких и одомашненных животных как символа мира живой природы; хозяйственных зон, в той или иной степени затронутых вмешательством человека; наконец, самих людей, устраивающих жизнь согласно избранному закону.⁸ Здесь можно заметить и древнюю уральскую мифологию: великаны уходят, их время прошло — люди остаются, их время наступило.

Возвращение М. А. Кастрена не разочаровало его единомышленников. Смелость его текстов и публичных выступлений укрепляла фенноманскую идею. Но даже из числа его почитателей далеко не все были готовы поверить в горячо отстаиваемый им тезис о родстве финнов с самодийцами и тем более с монголами. Исследовательский радикализм

них судеб, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегам родового древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской Академии наук. Ученые экспедиции, посылаемые ей для обработки этнографии, статистики и естественной истории России, обнаружили мало по малу связь, существующую между живущими в России народами финского происхождения. И так как оказалось, что ветви финского племени с древнейших времен сосредоточились возле Уральских гор, то и начали обозначать все племя названием Уральского и придавать ему немалое значение во всемирной истории» (Castrén M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 74).

⁷ См.: Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 14.

⁸ См.: Castrén M. A. Op. cit. S. 29, 30.

Кастрена воплотился прежде всего в генеральной идее его научного творчества — в попытке доказать существование этногенетического родства финно-угорских (уральских) и тюркомонгольских (алтайских) народов.

Не менее яркой и такой же короткой была жизнь в науке А. Регули (1819–1858) — венгерского этнографа и лингвиста, проложившего дорогу на Урал. Совершая положенное дворянскому сыну, окончившему университетский курс, «благородное путешествие», он побывал в Стокгольме и Гельсингфорсе, где познакомился с учеными людьми, увлекшими его идеей поиска финно-угорского родства и древней прародины. В Санкт-Петербурге его интерес поддерживали академики А. И. Шёгрэн, П. И. Кёппен, К. М. Бэр. Русский меценат князь А. Демидов высказал заинтересованность в организации научной экспедиции на Урал и в Западную Сибирь как части большого научного проекта по изучению неславянских народов империи. О финансовой помощи научному предприятию А. Регули объявил президент Венгерской академии наук граф И. Сечени.

Казань, Пермь, Соликамск стали для А. Регули местом обретения уверенности в правильности выбранного направления. Но искал он прежде всего манси. Перевалив ранней зимой 1843 г. через Уральский хребет, Регули направился в Верхотурье, надеясь найти сведения по истории манси. Весной он поехал в Ирбит, где на знаменитой ярмарке рассчитывал встретить новых информантов, а затем собирался выехать к селениям ханты. В Тобольске состоялась встреча А. Регули с его преподавателем финского языка и до некоторой степени научным конкурентом, М. А. Кастреном. Оттуда каждый последовал далее своим путем.

В середине лета 1844 г. А. Регули на пути к северному Уралу вышел к кочевьям оленеводов-манси. Затем около месяца он провел среди хантов-рыбаков на реках Тапас, Сосьва и Сыгва. В октябре он достиг Обдорска, в окрестностях которого собирал образцы охотничьего фольклора хантов. Затем он едет в тундру, надеясь достигнуть Полярного Урала. Почти не встречая на пути людей, он следует на зимовку в Березово. Находясь в этом безлюдном крае, Регули фиксирует топографический материал для будущей карты, зная, что где-то здесь проходил древний путь, по которому преодолевали Урал идущие в Сибирь охотники, воины и торговцы. Он поднялся к одной из наиболее почитаемых обскими уграми горной святыне,

у подножия которой берет начало река Егра. Там, на перевале, по которому на протяжении столетий двигались финны и угры, романтичный А. Регули ощутил себя в центре «уральского мироздания».

Осенью 1847 г. А. Регули вернулся в Будапешт.⁹ В своих редких академических лекциях он старался не говорить об ожидаемых от него конкретных фактах и уходил от прямого ответа на вопрос «нашел ли он родственников?». Он начал сомневаться и, самое печальное, забывать увиденные им в экспедиции яркие свидетельства финно-угорского родства, жалуясь, что, по-видимому, «не способен **поднять** собственного богатства».¹⁰ И тогда венгерские ученые решают помочь своему товарищу, определяя лингвиста и этнографа П. Хунфалви в преемники А. Регули. Лишь кропотливый труд нескольких поколений комментаторов и интерпретаторов позволил сделать его материалы достоянием науки.

Труд жизни М. А. Кастрена и А. Регули, кроме иных очень важных вещей, показал, что этнографическая наука нуждается в постоянном поступлении качественной полевой информации от носителей этнической традиции. Тем не менее, наблюдение различных событий из народной жизни и сбор артефактов превратились в этнографию никак не ранее того времени, когда ученые задумались о теоретической стороне своей деятельности. В области финно-угроведения это было связано с эпохой этнографического эволюционизма.

2. «Пермская экспедиция» У. Т. Сирелиуса.

В начале 1907 г. правление Финно-Угорского Общества решило выделить для проведения «пермских этнографических разысканий» денежные средства доценту Александровского университета (г. Гельсингфорс) У. Т. Сирелиусу и стипендиату Общества, студенту Московского университета, коми по происхождению, В. П. Налимову (1879–1939).

Позволю себе внести некоторую ясность в этот, теперь уже историографический, факт. На протяжении всего XIX в. финляндских интеллектуалов, активно включенных в процесс национально-культурного строительства, объединяло стремление

выявить исторические и этнокультурные связи финнов с родственными народами. Экспедиции А. И. Шёгрена, М. А. Кастрена, А. Э. Лённрота и А. Альквиста открыли финнам мир российских финно-угров, изучение которого стало неотъемлемой частью суверенизации национальной гуманитаристики.

В 1883 г. инициативы энтузиастов народоведения нашли формальное закрепление в создании Финно-Угорского Общества, получившего поддержку как в ученой среде, так и в правительственных кругах империи и автономии.¹¹ Средства, выделяемые Обществом на проведение полевых исследований, позволили собрать и обработать немало материалов, ныне составляющих «золотой фонд» финно-угроведения. Что касается пермских народов (коми, коми-пермяков и удмуртов), то они попали в орбиту внимания ученых, работавших под эгидой Общества практически с момента его основания, причем это были главным образом фольклорно-лингвистические изыскания. Собственно этнографические, методически выстроенные поиски среди пермян первым предпринял У. Т. Сирелиус.

Ууно Таави Сирелиус (1872–1929) по праву считается «фактическим основателем финляндской этнографической школы».¹² Отличительной чертой его как ученого была способность к расширению методологического обеспечения исследований. Он во многом разделял идеи венгерского этнографа Я. Янко о многоуровневом характере культуры финно-угорских народов, позволявшей одновременно наблюдать разные этапы хозяйственно-культурного развития — от охотничье-рыболовецких групп обских угров до земледельческих общин карелов, коми, удмуртов, марийцев и мордвы и «модерных», промышленно-ориентированных гражданских обществ венгров, финнов и эстонцев.¹³ Будучи приверженцем теории развития, Сирелиус, тем не менее, оставлял за собой право рассматривать этнографические факты, и особенно артефакты, в рамках определенных географических регионов и хозяйственно-культурных зон. Со временем он выработал свой оригинальный взгляд на предмет этнографии,

⁹ См.: Антал Регули: Календарий. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России: Петербург — Урал — Петербург. Будапешт, 2008.

¹⁰ Karjalainen K. F. Dem andenken Anthon Regulys // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1909. Bd. 8. S. 5.

¹¹ См.: Statuts de la Société Finno-Ougrienne. De linguistique, d'archéologie, d'histoire ancienne et d'ethnographie // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1886. № 1. P. 7, 8.

¹² Шлыгина Н. В. История финской этнологии (1880–1980). М., 1995. С. 51–54; Lehtonen J. U. E. U. T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972.

¹³ См.: Kodolányi J. (jr.) Finnish Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Budapest, 1985. P. 103.

ставший определяющим фактором при учреждении в 1921 г. в Хельсинкском университете кафедры финно-угорской этнографии.

В отчете по итогам экспедиции У. Т. Сирелиус писал, что в поездке по коми краю он опирался на помощь представителей местной интеллигенции, прежде всего сельского учительства.¹⁴ Впоследствии Сирелиус, поддерживая переписку со своими помощниками, получал необходимые консультации, заочно руководил сбором полевых этнографических материалов. Так, после его отъезда в конце июля 1907 г. в Вятскую губернию, В. П. Налимов собирал сведения по обширному перечню вопросов, составленному финским коллегой. В середине августа В. П. Налимов продолжил самостоятельные полевые работы в районе проживания коми-пермяков, начатые им еще в мае 1907 г. на средства, выделенные Финно-Угорским Обществом.

Результаты исследований В. П. Налимова были замечены российскими учеными — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило ему большую серебряную медаль «во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах».¹⁵

Тем временем, с конца июля 1907 г., У. Т. Сирелиус находился в Сарапульском уезде Вятской губернии, занимаясь полевыми исследованиями среди удмуртов. В качестве места базовой стоянки Сирелиус выбрал село Бураново.¹⁶ Хотя село нельзя было причислить к древнейшим поселениям края, но в нем жил и работал Г. Е. Верещагин — приходский священник и одновременно первый удмуртский этнограф, фольклорист и писатель, хорошо известный финно-угроведам знаток народной жизни.

Месяц, проведенный в удмуртских деревнях, позволил У. Т. Сирелиусу еще более укрепиться во мнении, что, несмотря на исторические, географические и хозяйственно-культурные разрывы, пермские народы сохраняют много общего не только в языко-

вом отношении. Свидетельством тому должна была стать собранная им коллекция предметов материальной культуры коми и удмуртов, насчитывавшая свыше 500 единиц хранения и позволявшая достойно представить пермяк на организованной под его руководством I Финно-угорской выставке, открывшейся в 1923 г. в Национальном музее Финляндии.

Примечательным фактом «пермской экспедиции» был опыт этнографической журналистики. Находясь в поездке, У. Т. Сирелиус готовил обширные публицистические репортажи, публиковавшиеся на страницах популярного столичного еженедельника.¹⁷ Судя по контексту статей, он был несколько разочарован первыми впечатлениями, поскольку не встретил ожидаемой этнографической архаики и столкнулся с рядом трудностей в общении с местным населением. Вероятно, находясь под впечатлением от сибирских путешествий к обско-угорским народам, Сирелиус объяснял недоверие к себе со стороны коми «сильным размытием традиционных устоев». Что касается удмуртов, то его чувства характеризовались некоторой двойственностью: с одной стороны, он был рад наблюдать элементы искомой традиционности, с другой — его напрягало отсутствие столь привычных для представителя молодой нации тенденций, свидетельствующих о движении народной культуры к культуре национальной. Неоспоримо одно: полевые исследования У. Т. Сирелиуса и его коллег стали серьезным стимулом для развития финно-угорской этнографии в России, формируя первое поколение профессиональных исследователей (на)родной культуры.

Одним из результатов «пермской экспедиции» стало закрепление в составе компонентов, необходимых для успеха полевой работы, «института местных помощников». Может показаться, что пионеры финно-угорской этнографии были полностью готовы погрузиться в мир традиционной культуры родственных народов. Но готов ли был этот, часто идеализированный ими, мир адекватно воспринять личность исследователя? Наверняка, этнографам было весьма не просто преодолеть стену мнимого равнодушия, демонстрируемого информантами. В этой связи повышалась роль местных жителей, заинтересованных в изучении родного края и способных помочь ученым в организа-

¹⁴ Sirelius U. T. Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. Vol. 25. S. 15–17.

¹⁵ Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2. С. 228.

¹⁶ Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 62.

¹⁷ Sirelius U. T. Matkalta koillis-Venäjäällä I–III // Helsingin Sanomat. 1907. № 170. № 174. № 192.

ции научного предприятия. Дополнительную актуальность вопрос о местных помощниках приобрел во второй половине XIX — начале XX вв., когда финно-угроведы начали переходить от многолетних маршрутных экспедиций к кратко- и среднесрочным экспедициям ареального характера, интенсивно работая среди локальных групп этноса. В этой связи возникла необходимость приспособления к условиям «включенного наблюдения» и поиска «общих факторов». Местные помощники должны были составить то недостающее звено, которое замкнуло бы цепь взаимоотношений между изучающим и изучаемыми. Подлинным спасением для ученых, помимо университетов, научных обществ и музеев, стали учительские семинарии и школы, в которых получали образование представители автохтонных народов. В свою очередь, удовлетворявшие научный интерес ученые стимулировали активность энтузиастов краеведения, подготавливая первое поколение людей со знанием дела изучающих этнокультуру.

Руководство Финно-Угорского Общества предложило открыть курсы для обучения помощников навыкам самостоятельной исследовательской работы.¹⁸ Логика принятого решения была такова: корреспонденту как местному жителю легче получить достоверные и основательные сведения, так как ему как «своему» человеку больше доверяют и могут рассказать то, что никогда не станет известно «чужому». Однако последовавшие вскоре войны и другие социальные потрясения позволили лишь немногим стипендиатам пройти стажировку в Финляндии.¹⁹ Тем не менее, сколько было возможно, трудами В. П. Налимова и его более молодых коллег, уже из раннего советского времени, идея финно-угорской этнографии развивалась в отечественном народоведении.

¹⁸ В журнале московских этнографов отмечалось: «Еще одна интересная идея, касающаяся этнографии, возникла среди финских ученых: устроить курсы по этнографии для учителей-инородцев, которые, получив соответствующие этнографические познания на этих курсах, могли бы работать по этнографии каждый среди своей народности. Так, предполагалось пригласить учителей-пермяков, вотяков, зырян, черемисов и других» (Этнографическое обозрение. 1907. № 4. С. 154).

¹⁹ В 1907 г. вице-президент Финно-Угорского Общества профессор Х. Паасонен предложил организовать специальные курсы для обучения «местных помощников» из числа представителей финно-угорских народов России. Хотя постоянно действующих курсов создать не удалось, на стажировке в Гельсингфорсе побывали марийцы Т. Е. Евсевьев, Г. Г. Кармазин и коми В. П. Налимов. См.: Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906–1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. Vol. 25. S. 6.

3. Недостроенное здание финно-угорской этнографии.

Первые два десятилетия советской власти — период активной научной работы среди российских финно-угров, вместе с другими народами включившихся в эксперимент по ускоренной социально-экономической модернизации «внутренней периферии».²⁰ Финно-угроведение тех лет стало частью исследовательских инициатив, исходящих от краеведческих обществ и центральных учреждений науки, заинтересованных в сборе сведений об этнических традициях и о степени проникновения в них инноваций.²¹ Поскольку ученые часто являлись проводниками политики культурной революции на местах, советское финно-угроведение рассматривалось властью как одно из **направлений идеологической пропаганды**.

Этнографам, придерживавшимся теории развития, не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов, лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Власти хотели руководить процессом «осовременивания» жизни, и в этих условиях люди науки должны были принять предлагаемые темпы культурных изменений. Финно-угроведы были вынуждены искать баланс между позитивистскими практиками, отражающими мозаичную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов. Опираясь на опыт дооктябрьской этнографии, молодые ученые пытались сохранить, пожалуй, главную отличительную черту «старой школы» — умение сочетать романтическую мотивацию с прагматизмом в достижении релевантного результата. При этом многим из них было не чуждо литературное творчество, ставшее еще одним инструментом в деле построения корпуса национальной истории и культуры.

В первые десятилетия советской власти на территории Урало-Поволжья работали экспедиции Центрального музея народоведения, Института народов Востока, Института истории материальной культуры, возглавляемые Н. Я. Марром, Д. К. Зелениным, Н. М. Маториным, М. Г. Худяковым, М. Т. Маркеловым,

²⁰ См.: Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000; Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000.

²¹ См.: Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР. Вып. 15. Л., 1928. С. 27–76.

В. П. Налимовым и др. Совместными усилиями ученых и местных «просвещенцев» был собран богатый фактический материал, лишь частично введенный в научный оборот в силу наметившейся на рубеже 1920–1930-х гг. тенденции к занижению роли этнографии и начавшихся репрессивных действий по отношению к организаторам науки.²² Смена политического курса, сопровождавшаяся постепенным свертыванием национально ориентированных проектов, вела к минимизации экспедиционной деятельности и к гибели многих исследователей, научное наследие которых было утрачено либо надежно скрыто.

Тем не менее, годы теоретико-методологического плюрализма в отечественной гуманитаристике оставили вполне зримое институциональное наследие. Речь идет прежде всего о создании краеведческих, по сути этнографических, музеев и комплексных научно-исследовательских институтов, призванных содействовать построению новой «социалистической культуры», но чаще занимавшихся изучением и сохранением фольклорно-этнографической традиции. На Урале НИИ данного профиля возникли в ходе автономизации территорий, преимущественно населенных башкирами, коми и удмуртами. Особая роль принадлежала музеям истории края, большая часть которых начиналась еще с земских инициатив и частных собраний.²³ Эта дореволюционная музейная предыстория стала связующим звеном для заинтересованных людей и для долгосрочных проектов, в том числе для финно-угорской этнографии. Но, при всей близости взглядов на музейную композицию финских и русских этнографов, имелась и существенная разница. В первом случае это был динамический принцип, опиравшийся на концепт «один народ — одна культура», правда с множеством локальных вариаций; во втором — богатое по колориту полотно с пробивающимися красками ассимиляционизма.

В советское время краеведческие музеи стали важным компонентом процесса конструи-

рования национальной культуры и идентитета. К. П. Герд (1898–1937) — поэт и этнограф, ставший символом пробуждавшейся «удмуртскости», возглавивший в 1926 г. Ижевский музей истории местного края, — считал музей не просто выставкой старых вещей, а воплощением этничности. Он писал: «Каждый народ в период своего возрождения начинает интересоваться своей историей, своей культурой. Он тогда нетерпеливо и неустанно стремится познать самого себя, осознать себя как одно целое, отличающееся от других окружающих его народностей своеобразным, только ему присущим укладом быта, культуры и обычаев».²⁴ Один из наставников Герда во время его учебы в Москве, профессор В. П. Налимов, замечал, что значимость изучения народной культуры начинала осознаваться представителями молодой национальной интеллигенции, когда из среды вчерашних просвещаемых выходили собственные просветители, для которых этнография была средством, с помощью которого можно было заявить о себе миру.

В эти годы наметилась постепенная трансформация финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение: с теоретико-методологической авансцены уходил классический эволюционизм, уступая место географическому детерминизму и ареальному изучению этнических культур. В Финляндии все больший вес приобретали научные подходы, демонстрировавшиеся новой генерацией этнографов, оставшихся верными финно-угорской проблематике, но все больше внимания уделявших собственно финской этнографии. Сходная ситуация складывалась в Венгрии и Эстонии. Сужение финно-угорского научного дискурса было связано с внешнеполитической ситуацией, поскольку Советская Россия, затем СССР находились в весьма натянутых отношениях с правительствами «буржуазной Эстонии», «белофиннов» и «хортистов». Границы были закрыты, возможностей для поездок становилось все меньше, легальная переписка была поставлена под жесткий контроль властей. Попытки отдельных ученых приподнять опускающийся занавес порой удавались, но время финно-угорской этнографии уходило.

В русле новой тенденции в недрах Нижегородского ОГПУ в 1932–1933 гг. родилось так называемое «дело “СОФИН”» (Союз ос-

²² См.: Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х — начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. Тарту, 2011. С. 152.

²³ Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) / И. Л. Жеребцов, А. Е. Загребин, В. Э. Шарпапов, А. Ю. Юрпалов // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. 2012. Вып. 1 (9). С. 78–82.

²⁴ Герд К. П. К вопросу о происхождении вотяков // Тр. науч. о-ва по изучению Вотского края. 1926. Вып. 2. С. 91.

вобождения финских народностей), участники которого якобы планировали отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Вместе с удмуртскими учеными под следствием оказались представители финской, карельской, коми, коми-пермяцкой, марийской и мордовской интеллигенции, а также крупные столичные исследователи, занимавшиеся финно-угроведением.²⁵ Дальнейшие судьбы большинства из них оказались трагичными.

4. Ученый и власть, или (Воз)Рождение этнографического финно-угроведения.

Почти тридцать лет финно-угроведение как комплексное научное направление и этнография как часть его находились в забвении. II Мировая война еще сильнее размежевала финно-угорские народы, внося коррективы в исследовательские планы ученых. Наука непосредственно зависела от решения политических вопросов. Попытка собрать в 1947 г. всесоюзную конференцию по финно-угроведению оказалась преждевременной.²⁶ Только после того, как И. В. Сталин подверг критике теорию академика Н. Я. Марра о языке, указав, что классы уходят и приходят, а нации остаются, вновь забрезжила надежда вывести этнографию на уровень легитимной науки.

Плата за легитимацию была оставлена прежней. Впрочем зависимость такого рода была свойственна послевоенной этнологии в целом, тесно связанной в странах Запада с системой колониального управления, а в СССР (и даже в неприсоединившихся странах) —

с «руководящей и направляющей ролью партии». Но этот хрупкий баланс между властью этнографического факта и властью государства обеспечил условия для послевоенного ренессанса этнографии и, что важно для нас, для формирования устойчивого интереса к финно-угорской проблематике. В этот период особенно велика оказалась роль ученых, не побоявшихся напрямую работать с властью.²⁷ Это была игра, построенная на взаимных уступках, «обидах и объятиях». Но именно она обеспечила издание научного журнала «Советское финно-угроведение», функционирование тартуской аспирантуры академика П. Аристе, финно-угорские экспедиции Эстонского национального музея, проведение международных конгрессов финно-угроведов.²⁸ Наибольшим успехом можно считать появление самостоятельных коллективов финно-угроведов на Урале, в Сибири и Поволжье.

В конце XX в. атлантический тренд, возобладавший в европейской этнологии, и кризис советской этнографии способствовали тому, что вектор этнических исследований финно-угорской направленности сместился в область прежней «внутренней периферии». Так совершился закономерный переход финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение. Глобальность информационного пространства, плюрализм мнений и все возрастающая роль связанных с наукой общественных инициатив обеспечили появление новых центров финно-угроведения, например в академических институтах гуманитарного профиля, входящих в Уральское отделение РАН.

Ключевые слова: *финно-угорские народы, этнография, Урал, Финно-Угорское Общество, дело «СОФИН», теоретико-методологические основания, наука, власть, М. А. Кастрен, А. Регули, У. Т. Сирелиус, В. П. Налимов, К. П. Герд, научные центры финно-угроведения*

Alexey E. Zagrebin

Doctor of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk)
E-mail: zagreb72@izh.com

²⁵ См.: Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.

²⁶ Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января–4 февраля 1947 г.: тез. докл. Л., 1947.

²⁷ См.: Zagrebin A. The Scientist and Authority in the History of Finno-Ugric Research in Russia // Journal of Ethnology and Folkloristic. 2007. Vol. 1, № 1. P. 72.

²⁸ См.: Вилкуна К. О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в настоящее время // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 129–132; Домокош П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae. Yoshkar-Ola, 2005. P. I. С. 93–107.

УРАЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИННО-УГОРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Статья посвящена истории изучения этнографии финно-угорских народов России. Подчеркивается особая роль Урала как региона и образа в истории финно-угорской этнографии; отмечается, что поиски уральской прародины финнов и венгров совпали с краеведческими интересами зарождающейся интеллигенции удмуртов и коми, оказав влияние на идентитет и этничность уральских народов. Показана динамика научной деятельности и факты исследовательской преемственности в области этнографического финно-угроведения.

Key words: *Finno-Ugric peoples, Ethnography, Ural, the Finno-Ugric Society, the cause «SOFIN», theoretical and methodological grounds, science, authority, M. A. Castrún, A. Reguly, U. T. Sirelius, V. P. Nalimov, K. P. Gerd, scientific centers of Finno-Ugric studies*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest: Corvina Press, 1976, 335 p. (in English).
- Antal Reguly. Budapest: Tinta, 2008, 78 p. (in Russ.).
- Branch M. Helsinki, 1973. (in English).
- Castrén M. A. St.-Petersburg, Vol. 2, 1856, 527 p. (in German).
- Castrén M. A. Tumen: Izdatelstvo Yu. Mandriki, Vol. 2, 1999, 352 p. (in Russ.).
- Domokos P. *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae* (X International Congress of Finno-Ugric peoples. Plenary speeches). Yoshkar-Ola, 2005, Part I, pp. 93–107. (in Russ.).
- Ethnographicheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 1907, № 4, 168 c. (in Russ.).
- Ethnographicheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 1908, № 1–2, 234 c. (in Russ.).
- Etnicheskaya mobilizatsiya vo vnutrenney periferii: Volgo-Kamskiy region nachala XX v.* (Ethnic mobilization in the inner periphery: Volga-Kama region of the beginning of XX century). Izhevsk: UIYaL UrO RAN, 2000, 178 p. (in Russ.).
- Gerd K. P. *Trudy nauchnogo obshestva po izucheniyu Votskogo kraja: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Society for the Study of Votyak edge: collected papers). Issue 2, 1926, pp. 91–95. (in Russ.).
- Haidu P. Moscow: Progress, 1985, 429 p. (in Russ.).
- Joh. Andreas Sjögren. St.-Petersburg, Vol. 1, 1861. (in German).
- Kalinin I. K. Moscow: Nauka, 2000, 178 p. (in Russ.).
- Karjalainen K. F. *Finnisch-Ugrische Forschungen* (Finno-Ugric research: collected papers). Vol. 8, 1909, pp. 1–10. (in German).
- Kodolányi J. (jr.). *Friends and Relatives: collected papers*. Budapest: издательство, 1985, pp. 99–116. (in English).
- Kulikov K. I. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 1997, 368 p. (in Russ.).
- Lehtonen J. U. E. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1972, 304 p. (in Finnish).
- Manninen I. Leipzig, 1932. (in German).
- Nauchnaja konferencija po voprosam finno-ugorskoj filologii: sb. nauch. tr.* (Conference on Finno-Ugric philology: collected papers). Leningrad: Leningradskiy un-t, 1947, 102 p. (in Russ.).
- Poppe N. N. *Finno-ugorskiy sbornik: sb. nauch. tr.* (Finno-Ugric collection: collected papers). Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, Issue 15, 1928, pp. 27–76. (in Russ.).
- Shlygina N. V. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1995, 238 p. (in Russ.).
- Sirelius U. T. Helsingin Sanomat, 1907, № 170, 174, 192. (in Finnish).
- Sirelius U. T. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society), Vol. 25, 1908, pp. 15–17. (in Finnish).

Statuts de la Société Finno-Ougrienne (Articles of Association of the Finno-Ugric Society). *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society). Vol. 1, 1886, pp. 7–8. (in French).

Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906–1907 (Finno-Ugric Society, Annual Report 1906–1907). *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society). Vol. 25, 1908, pp. 6–11. (in Finnish).

Vilkuna K. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* (The Soviet Finno-Ugric). № 2, 1965, pp. 129–132. (in Russ.).

Voigt V. *Acta Ethnographica Hungarica*. Vol. 57, № 2, 2012, pp. 397–407. (in English).

Vuorela T. Bloomington: Hague, 1964, 392 p. (in English).

Zagrebin A. E. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 1999, 185 p. (in Russ.).

Zagrebin A. E. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 2006, 324 p. (in Russ.).

Zagrebin A. E., Kulikov K. I. *Proniknovenie i primenenie diskursa natsionalnogo v Rossii i SSSR v kontse XVIII – pervoy polovine XX vv.: sb. nauch. tr.* (Penetration and the use of national discourse in Russia and the Soviet Union at the end of XVIII – the first half of XX century: collected papers). Tartu: Estonskij nacionalnyi muzej, 2011, pp. 163–176. (in Russ.).

Zagrebin A. *Journal of Ethnology and Folkloristic*. Vol. 1, № 1, 2007, pp. 63–73. (in English).

Zherebtsov I. L., Zagrebin A. E., Sharapov V. E., Yurpalov A. Y. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Komi Science Center, Ural Branch of the RAS: collected papers). Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, Issue 1 (9), 2012, pp. 78–82. (in Russ.).